

«СЕТЧАТКА»

АНТОНИНА БЕЛОВА

ОБРАЗ БОГА В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ ГУМИЛЁВА

*В стиле Бог показывается из своего творения,
Поэт даёт самого себя, но тайного, неизвестного ему самому...
Н. Гумилёв*

Картина мира поэта, её построение – ключ к постижению поэтического мировоззрения художника. Поэзия, как и проза, по словам А.А. Потебни, есть прежде всего и главным образом известный способ мышления и познания (Потебня 1905: 97). Понимая искусство как познание, А.А. Потебня отмечает, что язык во всём своём объёме и каждое отдельное слово соответствует искусству, притом не только по своим стихиям, но и по способу их соединения (Потебня 1990: 26-27). Другой исследователь языка поэзии считает: «Своеобразие речи поэта проистекает от своеобразия мысли (взгляда на мир, душевного строя)» (Ковтунова 2003:13).

Поэтическое мировоззрение художника, прежде всего, отражено в его образной системе. В этой статье речь пойдёт о таком аспекте мировоззрения поэта, как отношения *Бог – человек* (образ Бога в поэтических текстах Гумилёва). Эти отношения раскрываются через такие семантические оппозиции, как *Бог – человек*, *Бог – поэт*, *жизнь – смерть*, *земля – небо*, *земля – рай*.

Религиозное мировоззрение Гумилёва формируется в раннем детстве, о чём свидетельствуют воспоминания близких родственников (см. *Николай Гумилёв в воспоминаниях современников 1989 – далее Н.Г. 1989, Лукницкая 1990, Высокский 2004, а также см. об этом – Зобнин 2000, Полушин 2006*). Он воспитывался в строгих патриархальных русских традициях, никогда не колебался в вере, хотя и испытал в юные годы увлечение оккультными науками, пережил серьёзный духовный кризис в 1907-1908 годы. Сборник этого периода «Романтические цветы» ярко отражает тяжёлое душевное состояние его автора. В «Чужом небе» всё ещё слышны сомнения («Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец; Создав, навсегда уступил меня року Создатель; Я продан! Я больше не Божий! Ушел продавец, И с явной насмешкой глядит на меня покупатель»), но поэт уже понимает всю ответственность перед Богом за свои слова: «*И если я волей себе покоряю людей, И если слетает ко мне по ночам вдохновенье, И если я ведаю тайны – поэт, чародей, Властитель вселенной, – тем будет страшнее паденье*». Наконец в «Балладе» («Влюблённые, чья грусть как облака...») поэт говорит о своём внутреннем преображении, он обретает *родину святую* (Вот я нашёл, и песнь моя легка), он увидел *сиянье розового рая*, от которого *пылает лживый храм*, Где я теням молился и словам. Очень знаменательно, что вместе с внутренними переменами в герое изменяется окружающий мир, по-новому высветляя своё божественное начало: *В моей стране спокойная река, В полях и рощах много сладкой снеди, Там аист ловит змей у тростника И в полдень, пьяны запахам камеди, Кувьркаются рыжие медведи. И в юном мире юноша Адам, Я улыбаюсь птицам и плодам, И знаю я, что вечером, играя, Пройдёт Христос-младенец по водам, Блеснет сиянье розового рая*. «Шаг за шагом, ощупью, осторожно, уже не советуясь с Брюсовым, а вполне самостоятельно, он спускался сквозь туманы на грешную землю» – пишет А.И. Павловский (Гумилёв 2000:12). Тема Бога проходит через всё творчество поэта, становясь одной из самых важных в конце жизненного срока. Ключевыми для понимания процесса его духовного роста, важными для осознания Гумилёвым себя как художника милостью Божией являются произведения, проникнутые божественной идеей. Укажем основной ряд этих стихотворений в хронологической последовательности: «Пророки», «Крест», «Выбор», «Христос», «Ворота рая», «Заводы», «Отрывок», «Вечное», «Я верил, я думал...», «Баллада», поэма «Блудный сын», «Война», «Пятистопные ямбы», «Солнце духа», «Счастье», «Рай», «Андрей Рублёв», «Память», «Слово», «Шестое чувство», «Заблудившийся трамвай».

По мировосприятию и отражению объективного мира, бытия, в своём творчестве Н. Гумиёв – планетарный поэт. Его идиостиль отличает не только многообразие земного бытия с широчайшей пространственной протяженностью, но и глубокое проникновение во все эти формы бытия, восприятие действительности (и русской, и зарубежной) как естественной, неотъемлемой части жизни. Уже в первом сборнике «Путь конквистадоров» (позднее отвергнутом самим автором) мы знакомимся со стихотворением «Credo», где поэт утверждает: *«Мне всё открыто в этом мире – II ночи тень, и солнца свет, II в торжествующем эфире Меркурия ласковых планет».*

Для Гумиёва весьма важна тварность бытия, мира, то есть его божественное начало, в том числе природы. Не случайно природа включена в такой метафорически сложный образ у поэта, как храм: *«Природа будет храм. В знаменитых «Капитанах» море и океан, морская стихия названы Зелёным Храмом. В стихотворении «Природа» выстраиваются иные отношения, автор протестует против того, что природа лишь «одежда» земли: «Земля, к чему шутить со мною: Одежды нищенские сбрось II стань, как ты и есть, звездюю, Онём пронизанной насквозь!».* Для него характерно слияние с землёю, приятие всего её многообразия, хотя он всегда помнит, что здесь человек «на чужбине»: *«Я знаю, что деревьям, а не нам Дано величье совершенной жизни; На ласковой земле, сестре звездам, Мы – на чужбине, а они – в отчизне... Есть Моисей посреди дубов, Марии между пальм... Их души, верно, Друг другу посылают тихий зов С водой, струящейся во тьме безмерной»* («Деревья»). В другом, более позднем стихотворении образ реальной, земной жизни предстаёт как сон: *«Вижу свет на горе Фаворе II безумно тоскую я, Что взлюбил и сушу, и море, Весь дремучий сон бытия».* Тоска свидетельствует о полном смирении, понимании и осознании своей греховности, как и должно быть свойственно православному христианину, а отсюда и жажда покаяния.

Обратим внимание на раннее стихотворение «Иногда я бываю печален» из первой книги, в нём через смутные символы романтического сознания уже вполне отчётливо виден реальный «рисунок» будущей трагической судьбы поэта, который выступает здесь как пророк. Содержание стихотворения исполнено сокровенного смысла; несмотря на то, что поэту только 19 лет, он говорит о своём земном предназначении. Поэт, получая божественный дар, не имеет права зарыть свой талант, он должен открыть и зажечь своё сердце навстречу *безмолвной и жгучей печали*, он должен быть светом, преображая земной мир, его *мглу*. Стихотворение вызывает ассоциации с пушкинским «Пророком», с его высокой библейской символикой и основой. Композиция текста стихотворения построена на семантических контрастах: первая часть, состоящая из трёх строф, – внутренняя речь лирического героя. Она передаёт душевные страдания одинокого, покинутого человека, сомневающегося как в своём жизненном пути, так и высоком предназначении человеческого существования: *«Не навек ли сгорела, ослепла Вековая, Святая Мечта?».* В этой части юный автор говорит о своих сомнениях, о разрушенных мечтах. Он – *Созидающий в груди развалин Старых храмов – грядущий чертог* (то есть надо понимать – обитель на небе, ради которой и даётся человеку земной путь). Вековая святая мечта – это, думается, замысел Божий о человеке как венце творения. Ему, изгнанному из рая, (кстати, отметим значимость для гумиёвской поэтики образа рая) в земной жизни из века в век приходится делать выбор между добром и злом (*борьба мировая*). Вторая половина стихотворения – голос с небес, *Чей-то голос порывисто-страстный*. Это голос неба, звучащий, как ясно из эпитетов, призывно и требовательно в отличие от шепота бескровных уст героя. Таким образом возникает вначале чисто внешнее противопоставление земли и неба как разделённой тверди, затем оно семантически углубляется, так как поэт призван небом стать *Звездюю Обетной, Возвещающей близость зары*. Человек (покинутый бог, сомневающийся в своем божественном предназначении) противопоставляется Богу, Творцу с его Вековой Святой Мечтой, сотворившему человека по своему образу и подобию. Небесный *голос в высоте голубой* поэт определяет как *чей-то*, но по контексту понятно, что это говорит посланец Божий, может быть, ангел. Не случайно поэтому вторая часть, начинающаяся словами небесного посланца, открывается лексемой *брат*: *Брат усталый и бледный, трудися!* Обращение ангела указывает на христианский смысл содержания, на жертвенный путь любого человека во имя любви к Богу и ближнему, тем более поэта. В небесном голосе звучат императивные призывы к герою стихотворения в каждой последующей строфе: *Брат усталый и бледный, трудися! Принеси себя в жертву земле; Дни безмолвной и жгучей печали В своё мощное сердце возьми; Жертвой будь голубой, предрассветной... В тёмных безднах беззвучно сгори...* Следовательно, земля для поэта – чистилище... труд – *трудися!*

Итак, образы земли и неба (земного и божественного, тленного и вечного) контрастны, ибо контрастность образов возникает из противоречий самой жизни. Прежде всего это подтверждается в тексте противоположностью семантических полей *земля – небо*. Образ земли и то, что присутствует на ней, представлено лексемами с негативным значением: герой (*печален, забытый, покинутый, бескровные уста, брат усталый и бледный*), земля (*сруда развалин старых храмов, пепел, борьба мировая, полуночная мгла, больные люди, дни безмолвной и жгучей печали, тёмные бездны, сореть, ослепнуть*). Небесный лексический ряд представлен, напротив, словами с положительной коннотацией: *вековая, святая мечта, высота голубая, голос порывисто-страстный, Звезда Обетная, близость зары*; важно также для понимания указать и на преображённый мир: *горные выси загорелись, яркие дали развернуть, жертва голубая, предрассветная*. Единственное, что имеет положительное

значение среди земного мира в данном тексте и может противостоять этому миру, – это сердце поэта. Его образ словно «насыщен» живой энергией эпитета *могучие*. *Дни безмолвной и жгучей печали В своё могучие сердце возьми*. Этот образ открытого сердца, возлюбившего Бога, является сквозным в гумилёвской поэтике. Через сердце, открытое Богу, поэт исполняет Его волю, и так же сердцем он постигает божественный промысел, поэтому именно сердце является связующим звеном между небом и землёй, вечно противопоставленными началами бытия.

Николай Оцуп, друг и один из первых исследователей творчества Гумилёва, верно сказал о нём: «Это поэт глубоко русский, не менее национальный поэт, чем был Блок» (Цит. по изд. НГ 1989:195). И вместе с тем он называет необъяснимым возвращение Гумилёва в постреволюционную Россию. Рассуждая об этом, критик задаётся вопросом: «Отчего он не остался в Лондоне? Он, открыто говоривший, что предан идее монархии, он, любивший мир, экзотику, свободу, мореплавателя, охотник, почему он вернулся в „край глухой и грешный“, как назвала Россию Анна Ахматова?». Ответ на это есть у самого поэта, он ответил значительно раньше, ещё в 1914 году, в стихотворении «Наступление», присланном Ахматовой осенью того же года прямо с фронта: *Словно молоты грозовые Или воды гневных морей, Золотое сердце России Мерно бьётся в груди моей*.

Время Первой мировой войны совпадает с творческой зрелостью Н. Гумилёва. Попав на фронт, он реализует свою мечту поэта-воина; война, как и любовь, становится его судьбою. И он принимает эту судьбу, предначертанную ему свыше. Об этом прекрасно сказано в «Пятистопных ямбах»: *И в рёве человеческой толпы, В гуденье проезжающих орудий, В немолчном зове боевой трубы Я вдруг расслышал песнь моей судьбы И побежал, куда бежали люди, Покорно повторяя буди, буди*. Принимает жизнь во всем её многообразии: Петербург, путешествия, Первая мировая война, фронт, любовь и печаль, а затем революция и гражданская война. Сама жизнь вручает ему неподдельный материал для воплощения. Освобождаясь от ученичества, поэт раскрывает свой талант, осознавая в себе Дар Божий и восходя к мастерству. Восхождение это длилось 15 лет (время между первой и последней книгой, выпущенной уже после гибели). Поэтическое мировоззрение Гумилёва основывается именно на этом жертвенном служении, служении своему божественному Дару, раскрытию в себе, в своём сердце божественного огня. Подтверждение этой мысли находим у современника поэта, свидетельствующего о том, что Гумилёв «...любил, всем существом любил поэзию и верил, что нужно помочь каждому человеку стихами облегчать своё недоумение, когда спросит он себя: зачем я живу? Для Гумилёва стихи были формой религиозного служения» (НГ 1989:177). Другой современник поэта писал следующее: «И его религия (что представляет редкий случай в России) – это бесхитростная, абсолютная вера. Его последние книги наполнены этим духом» (Святополк-Мирский 2002:56).

Духовную силу военных стихов Гумилёва отметили уже при жизни поэта. Так, Б. Эйхенбаум первым написал в феврале 1916 г. в «Русской мысли» о том, что его «военные стихи приняли вид псалмов об „огнезарном бое“» (НГ 1989:294). В военной теме он, на наш взгляд, ближе всего к Богу, так как на собственном опыте постиг цену жизни, подвигу, военной славе и, наконец, победе, находясь на передней линии огня в постоянной смертельной опасности: *Победа, слава, подвиг – бледные Слова, затерянные ныне, Гремят в душе, как граммы медные, Как голос Господа в пустыне*. В своих очерках «Записки кавалериста», написанных ярким, живым, лёгким языком, он не только передаёт напряжённое военное время и связанные с ним фронтовые впечатления, но и раскрывает свой взгляд на войну: «Этот день навсегда останется священным в моей памяти. Я был дозорным и первый раз на войне почувствовал, как напрягается воля, прямо до физического ощущения какого-то окаменения... И в вечер этого дня, ясный, нежный вечер, я впервые услышал за редким перелеском нарастающий гул „ура“, с которым был взят В. Огнезарная птица победы в этот день слегка коснулась своим огромным крылом и меня... Я часто думал с тех пор о глубокой разнице между завоевательным и оборонительным периодами войны. Конечно, и тот, и другой необходимы лишь для того, чтобы сокрушить врага и завоевать право на прочный мир, но ведь на настроение отдельного воина действуют не только общие соображения, – каждый пустяк, случайно добытый стакан молока, косой луч солнца... и свой собственный удачный выстрел...» (Гумилёв 2001:154-155).

В «Наступлении» Гумилёв не только передаёт живую динамику конкретного боя, но восходит к библейскому пониманию войны, исхода сражения, когда победа достигается не количеством, а по промыслу Бога, по молитвенному слову. Поэтому и не нужно бойцам яства земного: *Но не надо яства земного В этот страшный и светлый час, Оттого что Господне слово Лучше хлеба питает нас*. Эта мысль о небесной помощи вызывает ассоциативную связь с образами блоковского цикла «На поле Куликовом»: *В степном дыму блеснет святое знамя И ханской сабли сталь... И когда наутро тучей чёрной Двинулась орда, Был в щите Твой лик неукротивный Светел навсегда*. Известно, что Гумилёв с фронта прислал Ахматовой фотографию, на которой были написаны блоковские строки: *Помяни ж за раннюю обедней Мила друга, светлая жена!* Ахматова говорила, что «у Николая Степановича есть период и „русских“ стихов – период, когда он полюбил Россию, говоря о ней так, как француз о старой Франции. Это – стихи „от жизни“, пребывание на войне дало Николаю Степановичу понимание России – Руси».

Зачатки такого „русского Гумилёва“ были раньше – например, военные стихи „Колчана“, в которых сквозит одна сторона только – православие, но в которых ещё нет этих тем» (Лукницкая:164-165).

Стихотворение «Война» написано после «Наступления» и по своему содержанию является художественным синтезом понятия «война». В семантике текста можно выделить несколько планов: это война, изображаемая как мирный труд; Бог, благословляющий воинов на ратный подвиг, и наконец победа – итог войны. Композиционно в нём четыре смысловых части.

Первые две строфы – первая часть, это поле битвы, оно словно перед нами, поэт даёт картину в конкретных и запоминающихся, неподдельных деталях. В этой части наблюдаем ступенчатое изображение, создающих не только зрительное представление, но и звуковое. Стихотворение резко открывается сравнением *Как собака на цепи тяжёлой*, которое чередуется с глагольной метафорой *тявкает за лесом пулемёт* и метафорой-сравнением *II жуужжат шпантели, словно пчёлы*. Завершает строфу метафора-загадка *Собирая ярко-красный мёд* (кровь). Во второй строфе сравнение *как будто пенёк Трудный день окончивших жнецов* сменяет уподобление *это – мирное селенье В самый благодатный из вечеров*. Кстати, отметим общую особенность сравнений: война, её атрибуты сравниваются с мирной жизнью, с трудом хлебопашца.

Во второй части (третья строфа) утверждается светлое и святое дело войны: *II воистину светло и свято Дело величавое войны*. Обратим внимание на важный звукообраз, создающийся за счёт повторов: наречие *воистину*, находясь в начале строки, словно отзывается в предикативных прилагательных *светло и свято*, что и создаёт звуковой образ, который поддерживается аллитерирующим *В* следующего стиха: *вст – свт – свт – в – в*. Поэт, доказывая святость и величавость войны, использует аллегорический образ Небесных сил – *Серафимы, ясны и крылаты, За плечами воинов видны*. Именно *воинов* (прямое значение), это ещё и указание на военные стяги с изображением святых ликов. Эта строфа является семантическим узлом стихотворения, так как в ней «вступает» тема Бога, объясняющая святость войны и смысл победы война-христианина.

Третья часть текста (четвёртая и пятая строфы) – представляет собой развёрнутую метафору-сравнение, где тема Бога становится центральной, так как исход битвы зависит от его воли. По сути эта часть не что иное, как молитва пред Господом за *Тружеников, медленно идущих На полях, омоченных в крови*. Поэт молит: *Ныне, Господи, благослови*. И далее объясняя причину своей мольбы, он сравнивает воинов с теми, кто пашет землю, и с теми, кто посвящает жизнь Богу, – с монахами, кто уходит от мирской жизни в монастырь. В связи с этим укажем на то, что не случайно в окончательной редакции «Пятистопных ямбов» (1915) в последней строфе возникает образ монастыря, вызывающий ассоциации с подобными образами у Пушкина и Тютчева (Белова 2003).

В четвёртой части (последняя строфа), начинающейся с противительного союза *но*, содержится важный вывод о христианском смысле победы. В душе поэта по-прежнему звучит молитва (... *о Господи, ... даруй*), но вся эта строфа по своему значению противопоставляется предыдущему тексту. Тема Бога центральной части стихотворения (*Серафимы...*) звучит здесь в полную силу: *Но тому, о Господи, и силы II победы царский час даруй, Кто поверженному скажет: «Милый, Вот, прими мой братский поцелуй!»*. Поэт вкладывает православный смысл в понимание победы и поэтому обращается к Богу о даровании *победы царского часа* тому, кто милостив и во враге своём видит брата и его бессмертную душу. «Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут» (Мф. 5.7). «Но вам, слушающим, говорю: любите врагов ваших; благотворите ненавидящим вас; благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас» (Лк. 6.27-28). У Гумилёва было религиозное восприятие войны (помнил о заповеди – не убий!), в дневнике Лукницкого читаем: «Как бы свято ни было чувство долга, Гумилёв – честный, храбрый солдат – боялся войны, боялся греха убийства» (Лукницкая: 179).

Отметим также, что сравнение войны с мирной жизнью строится на контрастности лексико-семантических рядов *война – мирный труд*. Во всём тексте всего лишь восемь слов военной тематики: *пулемёт, шпантели, война (Дело величавое войны), воины, кровь (На полях, омоченных в крови), подвиг, победа, поверженный*. Другой ряд, связанный с домом, сельской мирной жизнью, значительно шире: *собака, пчёлы, мёд, пенёк ... жнецов, мирное селенье в самый благодатный из вечеров, дело, труженики, сеющие, жнущие, соха*.

Завершая статью, необходимо сказать, что Гумилёва глубоко интересовал вопрос о сложной природе человека, вопрос о душе и теле, о связи духовного и материального в человеческом существе, их вечной борьбе. Этому посвящены многие стихотворения и отдельный цикл «Душа и тело». Кратко остановимся на двух: «Вечное» и «В мой самый лучший, светлый день...» из цикла «Счастье». В первом он выражает свою мечту и надежду на встречу с Богом, на то, что он достойно пройдёт земной путь, *дорогу к солнцу от червя: Смотрю в века, живу в минутах, Но жду Субботы из Суббот, Конца тревогам и удачам, Слепым блужданиям души... О день, когда я буду зрячим II странно знающим, спеш!*

Эти стихи и последующие поражают своей духовной глубиной и зрелостью, они более чем открыты. Невольно вспоминаются пушкинские слова о том, что «искренность драгоценна в поэте». Не случайно некоторые из современников Гумилёва, выделяя его среди других, подчеркивали его особенность как пленительной личности. Все романтические маски давно сброшены, душа обнажена и открыта Богу, она жаждет искупления:

*В мой самый лучший, светлый день,
В тот день Христова Воскресенья,
Мне вдруг пришло искупенье,
Какого я искал везде.*

*Мне вдруг почудилось, что, нем,
Изранен, наг, лежу я в чаще,
И стал я плакать надо всем
Слезами радости кипящей.*

Литература:

1. Белова А.В. «Туда взлетая, звук немеет...» – ж. «Русская речь», 2003 №6.
2. Высотский О.Н. Николай Гумилёв глазами сына. – М., 2004.
3. Гумилёв Н. Собр. соч.: В 4 т. – М., 1991.
4. Гумилёв Н. Стихотворения и поэмы. – СПб., 2000.
5. Гумилёв Н. Проза поэта. – М., 2001.
6. Зобнин Ю.В. Н. Гумилёв – поэт Православия. – СПб., 2000.
7. Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов. – М., 2003.
8. Лукницкая В. Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. – Л., 1990.
9. Николай Гумилёв в воспоминаниях современников. – М., 1990.
10. Полушин В.Л. Николай Гумилёв: Жизнь расстрелянного поэта. – М., 2006.
11. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. – Харьков, 1905.
12. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990.
13. Святополк-Мирский Д.П. Поэты и Россия. – СПб., 2002.